

С. А. Французов

ДРЕВНИЙ ХАДРАМАУТ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЮЖНОАРАВИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Среди востоковедных дисциплин, специализирующихся на изучении древнего Востока, сабеистика несомненно принадлежит числу наиболее динамично развивающихся. Почти каждый новый сезон полевых исследований на юге Аравийского полуострова приносит открытия, которые ломают устоявшиеся стереотипы, заставляют пересматривать сложившиеся концепции. За три с лишним десятилетия планомерного археологического изучения Йемена значительно вырос объем доступных для исследования материалов, заметное число которых еще не введено в научный оборот. Особое место среди них занимают эпиграфические памятники – основной тип письменных источников по доисламской Южной Аравии, без которого не мыслима полноценная реконструкция ее истории. В конце XX в. в распоряжении сабеистов оказались две весьма многочисленные группы южноаравийских надписей, систематическое изучение которых сулит качественное приращение наших знаний о древнем Йемене. Одна из них, представленная текстами на черенках пальмовых листьев и деревянных палочках, происходящих, по всей видимости, преимущественно из «пиратских» раскопок городища ал-Хариба ас-Саудā' (древнего Нашшāна), пока успешно противостоит попыткам ученых перейти от чтения и интерпретации единичных образцов новой разновидности южноаравийского письменного наследия к массовой публикации этих документов, отражающих повседневную хозяйственную жизнь крупного городского центра области ал-Джауф в конце I тысячелетия до н.э. – начале I тысячелетия н.э. Главными препятствиями на пути сабеистов стали совпадения начертаний различных букв (например, ḥ, ḥ̣ и ḥ̣̣; °, ψ и ¶, т.д.), представляющие собой характерную особенность курсивного (или, точнее, «минускульного») письма этих текстов, а также обилие новых терминов, не засвидетельствованных в монументальных надписях¹.

Другой обширный комплекс недавно открытых эпиграфических материалов, Впрочем, сильно уступающий по объему информации и ее уникальности доку-

¹ На сегодняшний день опубликовано менее трех десятков йеменских документов на дереве. Большая их часть (16 текстов) издана: *Ryckmans J., Müller W.W., Abdallah Y.M. Textes du Yémen antique inscrits sur bois (with English Summary). Avant-Propos de J.-Fr. Breton. Louvaine-la-Neuve, 1994 (Publications de l'Institut orientaliste de Louvain. 43)*. Остальные появлялись в отдельных статьях, ссылки на которые сведены вместе в двух обзорах: *Французов С.А. Южноаравийская письменность и древнейеменская словесность: новые открытия, старые проблемы // Россия и Арабский мир. Научные и культурные связи. Вып. 7. СПб., 2000. С. 28–30. Прим. 3; Robin Ch.J. Les inscriptions de l'Arabie antique et les études arabes // Arabica. 2001. 48. P. 530–531*. Оба эти списка следует дополнить публикациями по крайней мере еще четырех документов: *Weninger St. Two Sticks with Ancient South Arabian inscriptions // PSAS. 2001. 31. P. 241–248; Stein P. A Sabaic Proverb. The Sabaic Minuscule Inscription Mon. script. sab. 129 // PSAS. 2004. 34. P. 331–341; Al-Said S.F., Weninger St. Eine unvollendete sabaische Urkunde // Arabian Archaeology and Epigraphy. 2004. 15. P. 68–71*.

ментам на дереве, представлен находками Советско-йеменской комплексной экспедиции (СОЙКЭ) в западной части Внутреннего Хадрамаута, преимущественно на городище Райбун. В 1983–1991 и 2003–2004 гг. в ходе раскопок пяти храмов, двух жилых домов и нескольких некрополей Райбуна, а также археологического обследования прилегающих в нему районов было обнаружено более 3500 надписей на хадрамаутском языке, датируемых VII–I вв. до н.э.² По сравнению с тремя другими языками южноаравийской эпиграфики (сабейским, минейским, или ма'инским, и катабанским) хадрамаутский оставался наименее изученным, что объяснялось в первую очередь, скудостью составленных на нем текстов, общее число которых к началу 80-х годов прошлого века не превышало 400. Несмотря на то что подавляющее большинство найденных СОЙКЭ надписей составляют мелкие и мельчайшие фрагменты, около сотни достаточно пространственных текстов (как полных, так и фрагментарных), насчитывающих по несколько десятков знаков каждый, способствовали существенному продвижению в изучении не только хадрамаутского языка³, но и социальной, этнокульту-

О текстах на палочках и черенках и их дешифровке см. также *Beeston A.F.L. Mahmoud 'Ali Ghul and the Sabaeen Cursive Script // Arabian Studies in Honour of Mahmoud Ghul. Symposium at Yarmouk University, December 8–11, 1984 / Ed. M.M. Ibrahim. Wiesbaden, 1989 (Yarmouk University Publications. Institute of Archaeology and Anthropology Series. Vol. 2). P. 15–19; Лундин А.Г. Архивы древнего Йемена // ВДИ. 1995. № 3. С. 3–13; он же. Новые документы древнего Йемена // Православный Палестинский сборник. Вып. 98 (35). Сб. памяти Н.В. Пигулевской. СПб., 1998. С. 14–26.*

Общее число документов, выполненных на дереве минускульным письмом, достигает нескольких тысяч, большая часть которых хранится в Санском университете. За пределами Йемена два крупнейших собрания этих памятников южноаравийской письменности, находящиеся в Баварской государственной библиотеке (*Bayerische Staatsbibliothek*) в Мюнхене и в Восточном институте (*Oosters Instituut*) Лейденского университета, насчитывают в своем составе соответственно ок. 800 и ок. 300 единиц хранения, причем в первом из них каталогизировано только 589 текстов (*Stein P. The Inscribed Wooden Sticks of the Bayerische Staatsbibliothek in Munich // PSAS. 2003. 33. P. 267, 272. Not. 2*). По меньшей мере еще несколько десятков документов этого типа оказалось в европейских частных коллекциях.

² Ранее обычно говорилось о более чем 2700 надписях (см., например: *Французов С.А. Значение материалов Советско-йеменской комплексной экспедиции (СОЙКЭ) для изучения Южной Аравии (эпиграфический аспект) // ЗВОРАО. Новая серия. 2002. I (XXVI). С. 385; Frantsouzoff S. Raybun. Hadran, temple de la déesse 'Athtar^{um}/'Astar^{um} (avec une contribution archéologique d'A. Sedov). Fasc. A: Les documents. Paris–Rome, 2001 (Inventaire des inscriptions sudarabiques. T. 5). P. 14; *idem*. Annexe. Projet de publication des textes de Raybun dans l'*Inventaire des inscriptions sudarabiques // Arabia. 2003. 1. P. 64*), однако эта цифра нуждается в уточнении. К концу полевого сезона 1990 г. сиглом СОЙКЭ было обозначено 2602 текста, при этом нужно иметь в виду, что начиная с 1987 г. подобный сигл, как правило, не присваивался тем эпиграфическим памятникам, которые оставались в выемке и не поступали в лапидарий историко-археологического музея, размещенного в бывшем султанском дворце хадрамаутского города Сайун. Таких оставшихся *in situ*, но сфотографированных и описанных надписей насчитывается не менее 300. Кроме того, ни один из более, чем 160 текстов, найденных в 1991 г. (в том числе 83 – на городище Райбун V, 57 – на Райбун XIV, 10 – на Райбун XXVI), вообще не получил сигла СОЙКЭ.*

Во время предварительного обследования объекта Райбун VI (как выяснилось, храма *Vasat^{xah}* бога Сийана) в ноябре 2003 г. и его раскопок в ноябре 2004 г. было обнаружено еще 567 текстов (в том числе 75 *in situ*).

³ Так, впервые удалось подготовить обзор основных особенностей его грамматики, опубликованный сначала в конспективном виде (*Frantsouzoff S.A. Le hadramoutique épigraphique et sa place dans le groupe des langues sémitiques // Russian Orientalists to the 36th ICANAS. Moscow, 2000. P. 68–76*), а затем в более полном варианте (*idem. En marge des inscriptions de Raybun. Remarques sur la grammaire, le lexique et le formulaire de la langue hadramoutique épigraphique // Arabia. 2003. 1. P. 39–51*).

турной, религиозной ситуации в древнем Хадрамауте⁴. Ни одна археологическая экспедиция, работавшая в Йемене, начиная с середины 1970-х годов, не знала подобных открытий в области эпиграфики.

Символично, что два крупнейших комплекса древнейеменских эпиграфических материалов, обнаруженных в последние десятилетия XX в., документы на дереве и надписи Внутреннего Хадрамаута, частично перекрываются. Наряду с монументальными надписями, чаще всего высеченными на известняковых плитах и блоках регулярным южноаравийским письмом, на Райбу́не были найдены 22 черенка пальмовых листьев с текстами, выполненными различными разновидностями минускульного шрифта. Это единственная находка таких документов в результате легальных археологических изысканий, доказывающая, что они были распространены по всему древнему Йемену⁵.

⁴ См. об этом кратко: *Франсузов*. Значение материалов... С. 385–393.

Начата систематическая публикация эпиграфики Райбуна: полностью изданы надписи храма Хадран, общее число которых достигло 458 (*Frantsouzoff*. Raybun. Hadran... Fasc. A–V); подготовлены к печати 297 текстов, происходящих из храма богини Зāt Химйам (Райбун V). Введены в научный оборот еще приблизительно 60 эпиграфических памятников (как правило, достаточно больших по объему и интересных по содержанию), обнаруженных при раскопках храмов Рахбан (Райбун I, зд. 2–4) и Майфа’ан (Райбун XIV), жилого дома (Райбун I, зд. 6), окрестных некрополей Райбун XV и XVI, а также во время обследования грота ар-Рукба и городища Би’р Хамад (*Лундин А.Г.* Надписи Внутреннего Хадрамаута (общая характеристика) // ВДИ. 1989. № 2. С. 142–148; *он же*. Надписи жилого дома на городище Райбун I (здание 6) // Городище Райбун (раскопки 1983–1987 гг.). М., 1996 (ТСОИКЭ. II). С. 85–94; *Lundin A.G.* Grabinschrift aus der Nekropole Raybun XVI // *Mare Erythræum*. I. München, 1997. S. 27–30; *Бауэр Г.М.* Городище Райбун по данным эпиграфики // ВДИ. 1989. № 2. С. 153–157, вклейка между с. 64 и 65; *он же*. Эпиграфика Рейбуна (сезоны 1983–1984 гг., общий обзор) // Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования. М., 1995 (ТСОИКЭ. I). С. 112–152. Рис. 1–24; *Франсузов С.А.* О водопользовании в древнем Внутреннем Хадрамауте // ЭВ. 1998. 25. С. 130–151. Рис. 7–8; *он же*. Новые данные о хадрамаутском эпонимате // ЭВ. 2001. 26. С. 161–173; *Frantsouzoff S.A.* The Inscriptions from the Temples of Dhāt Himyam at Raybun // PSAS. 1995. 25. P. 15–27. Pl. I–II; *idem*. Regulation of Conjugal Relations in Ancient Raybun // PSAS. 1997. 27. P. 113–127; *idem*. A Parallel to the Second Commandment in the Inscriptions of Raybun // PSAS. 1998. 28. P. 61–67; *idem*. Old Hadrami Roots of an Enigmatic Qur’anic Term // Cultural Anthropology of Southern Arabia: Hadramawt Revisited / Культурная антропология Южной Аравии. St. Petersburg, 1999. P. 34–44. Pl. 2; *idem*. Die Frau im antiken Südarabien // Im Land der Königin von Saba. Kunstschatze aus dem antiken Jemen / Hrsg. vom Staatlichen Museum für Völkerkunde München im Zusammenarbeit mit W. Daum, W.W. Müller, N. Nebes und W. Raunig. 7. Juli 1999 – 9. Januar 2000 [Ausstellungskatalog]. München, 1999. S. 152–156; *idem*. Epigraphic Evidence for the Cult of the God Sīn at Raybun and Shabwa // PSAS. 2001. 31. P. 59–67; *idem*. Le «tailleur de pierre» (*grby-n/-hn*) dans les inscriptions sudarabiques // Rayda(n). 2001. 7. P. 125–143. Fig. 1–6; *idem*. The Hadramitic Funerary Inscription from the Cave-tomb at al-Rukba (Wādī Ghabr, Inland Hadramawt) and Burial Ceremonies in Ancient Hadramawt // PSAS. 2003. 33. P. 251–265; *idem*. En marge des inscriptions de Raybun... P. 52–56. Pl. 6–8).

На эпиграфических источниках, открытых в ходе работ СОИКЭ, в значительной степени основан лекционный курс, который автор этих строк прочел в июне 2001 г. в Практической школе высших исследований (École Pratique des Hautes Études) в Париже (*Frantsouzoff S.A.* Le royaume antique du Hadramawt et son rôle dans l’histoire de l’Arabie du Sud pré-islamique // Livret-annuaire de l’École Pratique des Hautes Études, Section des sciences historiques et philologiques. 2000–2001 (133ème année). 16. P., 2002. P. 51–53).

⁵ Пока удалось истолковать три хадрамаутских текста на дереве, которые поддались прочтению во многом благодаря тому, что их шрифт несущественно отличается от монументального. Два из них изданы (*Бауэр Г.М., Акоюн А.М., Лундин А.Г.* Новые эпиграфические памятники из Хадрамаута // ВДИ. 1990. № 2. С. 168–173; *Frantsouzoff S.A.* Hadramitic Documents Written on Palm-Leaf Stalks // PSAS. 1999. 29. P. 55–65), третий готовится к публикации.

К сожалению, центральные области Хадрамаутского государства оказались чрезвычайно бедны эпиграфикой. Так, из крепости Майфа'а/*MYF'T* (городище Накб ал-Хаджар), расположенной на стратегически важном торговом пути от побережья Индийского океана к столице Хадрамаута Шабве, происходит всего пять, правда, полных и весьма информативных надписей⁶. В самой Шабве, которую французские археологи копают с 1975 г., было найдено не более 80 ранее не издававшихся текстов, преимущественно весьма небольших по объему⁷. И дело здесь не только в невезении археологов или в том, что для раскопок были выбраны неперспективные, с эпиграфической точки зрения, объекты. По всей видимости, одна из причин бедности Шабвы памятниками эпиграфики состоит в том, что в отличие от Райбўна и других поселений Внутреннего Хадрамаута в гораздо более богатом столичном городе votивные тексты, составляющие более 90% всей южноаравийской эпиграфики, преимущественно отливались в бронзе, а не высекались на камне. Как и огромное большинство других изделий из этого ценного металла, бронзовые таблички, хранившиеся в храмах Шабвы, стали добычей завоевателей и средневековых кладоискателей⁸, пустивших их

⁶ Речь идет о переправленной в бомбейский музей RES 3869 и о четырех надписях, сохранившихся *in situ* на стенах крепости: RES 2640 = RES 5082 = MAFYS-Naqab al-Naqab 2; MAFYS-Naqab al-Naqab 1, 3, 4.

⁷ В подавляющем большинстве (за исключением незначительных фрагментов) они были изданы вместе с известными ранее и опубликованными надписями из Шабвы: Pirenne J. Les témoins écrits de la région de Shabwa et l'histoire. Fouilles de Shabwa, I. P., 1990 (Institut français d'archéologie du Proche-Orient. Bibliothèque archéologique et historique, 134).

⁸ Во многих *хадйсах* упоминается положение мусульманского права, согласно которому 20% найденного клада должны передаваться в казну: *ва-фй-р-риказ ал-хумс* «а с кладов – пятая» (Concordance et indices de la Tradition musulmane... par A.J. Wensinck avec le concours de nombreux orientalistes. T. II. Livraison IX. Leiden, 1937. P. 83). В некоторых посланиях пророка Мухаммада представителям йеменской знати, например хадрамаутским кайлам из рода ал-'Абахила, оно сформулировано с использованием иного термина: *ва-фй-с-суйуб ал-хумс* (Ибн 'Абд Рабби-хи. Ал-'Икд ал-фарид. Дж. 1. Булак, 1293 г.х. С. 138; Ибн Халдун. Китаб ал-'ибар ва-диван ал-мубтада' вал-хабар... Бакиййат ал-джуз' ас-санй. Булак, 1284 г.х. С. 56). Независимо от того, подлинны ли эти послания, в них отражены хозяйственно-правовые реалии, типичные для раннесредневековой Южной Аравии. Следовательно, находки кладов были довольно распространенным явлением в ту эпоху.

Вполне вероятно, что в случае с *сайб* (мн. ч. *суйуб*) речь идет о заимствовании из южноаравийской эпиграфики. Значения этого имени нарицательного «дар», «добровольное пожертвование», «металлы (особенно золото и серебро) и минералы, извлеченные из земли», «клад» заметно отличаются от основной семантики корня *SYB* в классическом арабском (ср. Lane E.W. An Arabic-English Lexicon. 1/4. London–Edinburgh, 1872. P. 1481), тогда как в единственном сабейском контексте, где термин *s'yb* засвидетельствован, он обозначает подношение, переданное из одного храма в другой: *...w-hqnyw/dn/sl[m- l n]/RM-n/s'yb-hmw/bn/mhrm-n/S'LYM/...* «... и посвятили они эту статуэтку (богу) Руммāну в качестве их дара из храма Сулайм...» (СН 140₇₋₈; см. Müller W.W. СН 140. Eine Neuinterpretation auf der Grundlage eines gesicherten Textes // AION. 1974. 34 (N. XXIV). S. 414, 418).

Следует отметить, что в конце 1990-х годов при раскопках избежавшего разграбления дома, который входил в храмовый комплекс на горе ал-'Ауд в южной части Йеменского нагорья, были обнаружены уникальные изделия из бронзы, в том числе с надписями (об этом открытии см. Hitgen H. Jabal al-'Awd: Ein Fundplatz der Spätzeit im Hochland des Jemen // Im Land der Königin von Saba... S. 247–253). Подобные предметы роскоши и составляли основную добычу йеменских кладоискателей. Золотые и серебряные украшения, о которых столь красочно повествуют легенды кахтанидского цикла, встречались, разумеется, значительно реже. Не исключено, что появление таких легенд могло быть отчасти основано на лингвистическом недоразумении: термину *dhb*, во всех южноаравийских эпиграфических языках имеющему значение «бронза» (Sima A. Tiere, Pflanzen, Steine und Metalle in den altsüdarabischen Inschriften. Eine lexikalische und realienkundliche

на переплавку. Хотя до нас дошли отдельные экземпляры таких табличек (полные RES 2693, Shabwa-Chantier V, 1975 и RF-Alim 1, а также фрагментарные Shabwa V/85/22 и Shabwa V/84/15)⁹, вряд ли стоит надеяться, что в ходе дальнейших раскопок они окажутся массовым материалом.

Следует признать, что имеющихся в распоряжении ученых источников пока не достаточно для последовательной реконструкции истории Хадрамаутского царства и в целом хадрамаутского культурного ареала, т.е. территории, на которой почитался типичный для Хадрамаута пантеон и был в ходу хадрамаутский эпиграфический язык¹⁰, в особенности на ее начальном этапе, охватывающем первую половину I тысячелетия до н.э. И все же благодаря райбунским материалам удалось поставить и частично разрешить ряд ключевых проблем исторического развития древнего Хадрамаута, касающихся в первую очередь его взаимосвязей с другими центрами южноаравийской цивилизации, а также с его периферией.

Территориально Хадрамаут в эпоху древности отличался от области, известной под этим названием у арабо-мусульманских географов, и от повторяющейся в основном ее очертания одноименной провинции Йеменской Республики (бывшей Пятой провинции НРЮЙ и НДРЙ). Ядром средневекового и современного Хадрамаута было и остается носящее то же имя крупное вадй, преимущественно в своем верхнем и среднем течении, тогда как центр Хадрамаутского государства с его столицей Шабвой находился в бассейне вадй 'Ирма¹¹, расположенном почти в 70 км к западу от начала вадй Хадрамаут и границ соответствующей провинции. Сама же долина Хадрамаут в эпиграфических памятниках под таким названием не упоминается: ее местное хадрамаутское имя пока не обнаружено; в сабейских же надписях начала IV в. н.э. (Ja 656/16, 668/11; Schreyer-Geukens = Ir 32/37–38; СІН 397/9–10) она известна как *S'RR-n*, т.е. «Долина» (с определенным артиклем)¹², причем в одном случае контекст показывает, что

Untersuchung. Wiesbaden, 2000 (Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz. Bd 46). S. 307–324), соответствует арабское *захаб* «золото».

⁹ Для сравнения укажем, что среди более чем 3500 райбунских надписей обнаружен лишь один небольшой фрагмент бронзовой таблички (в зд. 5 городища Райбун I; см. *Акопян А.М.* Исследования на городище Рейбун I в вадй Дауан // Хадрамаут... (ТСОЙ-КЭ. I). С. 74–75. Рис. 8).

¹⁰ Понятия «культурно-политического ареала» и «культурного ареала», разработанные А.В. Коротаевым в процессе изучения обществ Сабы и Химйара первых веков нашей эры (*Korotayev A.* Ancient Yemen. Some General Trends of Evolution of the Sabaic Language and Sabaean Culture. Oxf., 1995 (JSS. Supplement 5). P. 4–8, 9–10 ff.; *Коротаев А.В.* Сабейские этюды. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации. М., 1997. С. 40, 62, 65 слл.), представляют весьма удачные при описании других регионов Южной Аравии, для которой на протяжении всей ее истории вплоть до IV в. н.э. были характерны политическая децентрализация и этнокультурное многообразие.

¹¹ В хадрамаутской эпиграфике этот топоним засвидетельствован в форме 'RMW (Ingrams 1/2), однако весьма вероятно, что конечный вав использовался в данном случае как *mater lectionis* для передачи долгого «а» (*Robin.* Les inscriptions de l'Arabie antique... P. 573).

¹² См. об этом: *Французов С.А.* Общество Райбуна // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 304. Прим. 11; *Frantsouzzoff S.A.* The Society of Raybūn // Alternatives of Social Evolution / Ed. N.N. Kradin. Vladivostok, 2000. P. 260. Not. 8; *idem.* Raybuīn et La Mecque (politique et religion en Arabie preislamique). Notes preliminaires // Arabia. 2003. 1. P. 59–60.

Средневековый топоним ас-Сарйр, обозначавший, правда, лишь срединную часть вадй Хадрамаут (см. *ал-Хасан б. Ахмад ал-Хамдāни.* Китаб ал-Иклял. Тахкик Мухаммад б. 'Али ал-Аква' ал-Хивāли. Дж. 2. Каир, 1967. С. 19. Прим. 3; С. 38), явно происходит от *S'RR-n*.

HDRMWT и *S¹RR-n*, скорее всего, обозначали разные территории: ...*kl/hgr/HDRM-WT/w-S¹ | RR-n/...* «...все города Хадрамаута и Сарйрана» (Schreyer-Geukens = Ir 32/37–38)¹³. Однако это противопоставление не было четким: в первых веках нашей эры вадй Хадрамаут несомненно входило в состав Хадрамаутского государства, и потому поселения и сельскохозяйственные угодья, расположенные на территории этой долины, могли именоваться Хадрамаут. Например, в Ir 31, датируемой, как и предыдущие тексты, началом IV в. н.э., среди целей химйаритского похода после Шабвы, локализуемого в вадй-л-Каср Сува'рана (*SW'R-n*) и находящихся в вадй Хадрамаут (в узком значении этого топонима) 'Украна (*'QR-n*), Ратги (*RTGT-m*)¹⁴, Марйамы (*MRYMT-m*), Тарйма (*TRM*) упомянуты «вся застроенная земля и вся орошаемая земля Хадрамаут» (...*kl/hgr-n/w-s¹rr-n/HDRM-WT/...*)¹⁵. По-видимому, название Хадрамаут окончательно закрепилось за долиной, прежде известной как Сарйран, накануне ислама, когда из-за упадка Шабвы центр этой области вместе с частью столичного населения¹⁶ переместился на ее бывшую восточную периферию¹⁷.

Первоначально имя собственное *HDRMWT* (в хадрамаутском эпиграфическом всегда без *vāva* – *HDRMT*) являлось этнонимом, затем превратилось в этно-топоним. Так же, как *S¹B'* и *QTBN*, оно служило названием крупного племенного союза, на базе которого возникло государство. По всей видимости, в роли этнонимов все три этих имени выступают в формуле «бог-покровитель народа (так называемый «национальный бог»), нередко вместе со своим божественным партнером – верховный правитель – народ», использовавшейся в качестве официального обозначения таких государств. Все три ее варианта встречаются в датируемой началом VII в. до н.э. надписи RES 3945, повествующей о сабейской экспансии на юге Аравии:

Интересно, что в наши дни топоним вадй Хадрамаут употребляется местным населением как в широком смысле (для обозначения всей долины, от ее западной оконечности до впадения в Индийский океан), так и в более узком (в качестве названия только срединной ее части, от поселения ал-'Аққад до Қабр Худ). В этом последнем значении он весьма близок к ас-Сарйру.

¹³ Ср. с Ja 668/10–11: ...*w-bn/kl/hgr | S¹RR-n/d-hs¹b'w/...* «...и из всех городов Сарйрана, которые они заставили покориться...».

¹⁴ В современном топониме Ратга вместо эмфатического употребляется обычный та'.

¹⁵ Толкование данного выражения, в котором *s¹rr-n* выступает, разумеется, в качестве имени нарицательного, дано по: Ruykmans J. Himyaritica (5) // Le Muséon. 1975. 88. P. 209. Впрочем, как справедливо заметил Ж. Рикманс, нельзя исключать и порчи текста, не раз отмеченной в надписях, которые, как и Ir 31, были известны лишь по рукописным копиям Мутаххара 'Али ал-Ирйанй.

Кроме того, в надписи CIAS 39.11/03 n° 4/4–5, составленной вскоре после 222/223 г. н.э., говорится о «городе Сува'ран, что в земле Хадрамаут» (*hgr-n/SW | 'R-n/d-'rd/HDRMWT*). Район вадй-л-Каср (ал-Каср), в котором большинство исследователей локализируют Сува'ран, непосредственно примыкает к вадй Хадрамаут в его верхнем течении.

¹⁶ Полулегендарные сведения о миграции части жителей Шабвы в Шибам, расположенный в срединной части вадй Хадрамаут, см. Al-Hamdānī's Geographie der Arabischen Halbinsel / Hrsg. von D.H. Müller. Bd I. Leiden, 1884. S. 87_{24–26}.

¹⁷ В работах некоторых современных исследователей область, охватывающая вадй Хадрамаут (за исключением той его части, которая идет ниже Қабр Худ и именуется вадй-л-Масила), а также его боковые долины, носит название Внутренний Хадрамаут.

...l-S¹Yn/w-l/HWL/w-l/YD' L/w-l/HDMWT/... «...Сийану¹⁸ и Хаул¹⁹ и Йада' илу и хадрамауту²⁰...» (стк. 12);

... 'bd' / 'M/w-' NBY/w-WRW' L/w-QTBN/... «...области 'Амма и Анбая²¹ и Вав' ила и катабана...» (стк. 13);

... 'LM[QH/w-KRB]' L/w-S¹B' /... «...Алма[ках и Кариб]' ил и саба'...» (стк. 13).

Несколькими строками ранее в той же надписи под S¹B' явно подразумеваются сабейцы²², и потому, учитывая очевидный параллелизм трех приведенных выше контекстов, следует допустить, что HDMWT и QTBN в них, являлись этнонимами или по меньшей мере этнотопонимами²³. Хотя первое упоминание общины хадрамаут (s²'b-n/HDRMWT) встречается в Ja 643/6, датируемой второй половиной I в. н.э., есть основания полагать, что почти тысячелетием ранее она составила ядро одноименного государства. В ряде случаев HDMWT обозначал не весь народ, а сравнительно небольшую группу хадрамаутцев, например, колонию выходцев из Хадрамаута (скорее всего купцов), поселившихся в начале VII в. до н.э. в городе-государстве Харам²⁴.

Если обратиться к общим закономерностям эволюции древних обществ, вскрытых И.М. Дьяконовым и его учениками, в первую очередь В.А. Якобсоном, то южноаравийскую цивилизацию, вероятнее всего, следует отнести к так

¹⁸ О возможных вариантах чтения имени этого бога см. Французов С.А. Три легенды об обращении в ислам хадрамаутских язычников // Петербургское востоковедение. СПб., 1994. Вып. 5. С. 321. Прим. 2.

¹⁹ Хадрамаутская богиня, вероятно, супруга Сийана (см. Frantsouzoff. Raybūn. Ḥadrān... Fasc. A. P. 242).

²⁰ Здесь и далее, в соответствии с правилами русской орфографии, этнонимы пишутся со строчной буквы, что позволяет отличать их топонимов и этнотопонимов. Диакритика опускается лишь в топониме Хадрамаут (кроме сочетания вадī Хадрамаут, представляющего собой точную транслитерацию арабского выражения), поскольку он давно и прочно вошел в русскую ономастику, подобно таким топонимам, как Йемен (вместо ал-Йаман) или Саа (вместо Сан'а').

²¹ Один из главных богов катабанского пантеона. Верховный правитель Катабана именовался «первородным сыном Анбая и Хаукам» – bkr' / NBY/w-H(WKM) (см., например: Bron Fr. Los dioses y el culto de los Árabes preislámicos // Mitología y religión del Oriente Antiguo. II/2 : Semitas Occidentales (Emar, Ugarit, Hebreos, Fenicios, Arameos, Árabes) / Obra colectiva editada por G. del Olmo Lete. Barcelona, 1995. P. 431).

²² Robin Ch.J. Sheba (II. Dans les inscriptions d'Arabie du Sud) // Supplément au Dictionnaire de la Bible / Sous la direction de J. Briand, É. Cothenet. XII. P., 1996. Col. 1091.

²³ Категорический вывод о том, что Хадрамаут в отличие от Сабы и Катабана не был этнонимом и что «в случае с топонимом "Хадрамаут" какие-либо указания на подобный способ номинации (от авто- и аллоэтнонимов – имен народов или племен, мигрировавших в этот регион из других частей Аравии, или же автохтонного населения) отсутствуют» (Редькин О.Г. Аравийские периферийные диалекты. Диалект Хадрамаута. СПб., 2003. С. 124), является голословным и может объясняться лишь игнорированием давно введенного в научный оборот эпиграфического материала.

²⁴ В надписи Naram 12/11, составленной приблизительно в то же время, что и RES 3945, сообщается, что ее автор, явно коренной житель Харамы, «был кабиром (главой) хадрамаута» (kbr/HDRMWT). Очевидно, он осуществлял контроль со стороны местной власти за жившими в этом городе хадрамаутцами, объединенными в некую общину. Вопреки мнению Кр. Робена (Robin Ch.J. Inabba', Naram, al-Kāfir, Kamna et al-Narāshif. Fasc. A: Les documents. P., 1992 [Inventaire des inscriptions sudarabiques. T. 1]. P. 52), HDRMWT в данном контексте относится, скорее всего, к колонии хадрамаутцев в Хараме, а не харамцев в Хадрамауте, поскольку в южноаравийской эпиграфике нет ни одного случая, когда бы переселенцы стали называться по той области или городу, где они обосновались, без использования специального термина, описывающего их статус (чаще всего hwr).

называемому «третьему пути развития обществ ранней древности»²⁵. Типичной его особенностью было то, что возникшие в его рамках державы «имели характер скорее военных союзов, в которых более слабые городские или “номовые” государства обязаны были данью и военной помощью более сильному централизованному государству»²⁶. Эта черта отчетливо проявилась в процессе установления гегемонии раннего Сабейского государства в Южной Аравии, решающий этап которого подробно описан в RES 3945 (военные кампании) и RES 3946 (послевоенное обустройство покоренных территорий).

По ближневосточным меркам переход Йемена к раннеклассовому обществу и формирование там местной государственности произошли довольно поздно: не в бронзовом, а в железном веке. По-видимому, связано это было с тем, что для такого скачка не достаточно было своеобразной формы орошаемого земледелия, основанной на использовании высохших русел древних рек, по которым дважды в год, в сезоны муссонных дождей, выпадающих над горным Йеменом, проносятся обильные потоки. Доставляемая ими влага при помощи плотин и водоотводных устройств задерживается и подается на поля. Наличие таких ирригационных систем, как правило, локальных, охватывавших лишь отдельные участки больших долин (за исключением, конечно, знаменитой Марибской плотины), являлось необходимым, но не достаточным условием перехода к цивилизации (в стадильном значении этого термина). Источником, обеспечившим возникновение и последующее процветание южноаравийских государств, стала международная торговля благовониями и пряностями. Культуры же бронзового века, существовавшие в Йемене приблизительно с XXXII в. до н.э., были, очевидно, довольно слабо в нее вовлечены. По крайней мере археологические свидетельства торговых контактов этих культур не только с внешним миром, но и между собой, остаются пока очень скудными²⁷. Это касается даже процветавшей на территории прибрежной равнины «культуры Сабир»²⁸, чья связь с противоположным берегом Красного моря нуждается в доказательствах. А потому умозрительными остаются предположения, подобные гипотезе известного египтолога К. Китчена, согласно которой обитатели юга Аравии, начиная с се-

²⁵ Дьяконов И.М. Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. Общие черты первого периода истории древнего мира и проблема путей развития // История древнего мира. Изд. 3-е, испр. и доп. [Кн. 1]. Ранняя древность. М., 1989. С. 36, 48–49; История Востока в 6-ти томах. Т. I. Восток в древности. М., 1997. С. 39–40.

²⁶ Дьяконов, Возникновение... С. 49 (перезид.: История Востока... I. С. 39).

²⁷ Edens Ch. Before Saba // Queen of Sheba. Treasures from Ancient Saba / Ed. St J. Simpson, L., 2002. P. 85.

²⁸ Подробнее о ней см. Vogt B. Saba – une ville de la fin du IIe millénaire dans l'arrière-pays d'Aden // Yémen, au pays de la reine de Saba'... P 47–48; Vogt B., Sedov A. La culture de Saba, sur la côte yéménite // Ibid. P. 42–46; idem. The Sabir Culture and Coastal Yemen during the Second Millennium BC – the Present State of Discussion // PSAS. 1998. 28. P. 261–270; idem. Die Sabir-Kultur und die jemenitische Küstenebene in der 2. Hälfte des 2. Jahrtausends v. Chr. // Jemen. Kunst und Archäologie im Land der Königin von Saba'. Wien, Künstlerhaus, 9. November 1998 bis 21. Februar 1999. [Ausstellungskatalog] / Hrsg. von W. Seipel. Milano–Wien, [1998]. S. 128–133 (эта же статья, но с меньшим иллюстративным материалом перепечатана в: Im Land der Königin von Saba... S. 61–65).

Интересно, что давнее название этой культуре городище Сабир, расположенное близ современного Адена, было известно довольно давно, однако считалось руинами одного из средневековых поселений, возведенных в середине IX–X в. н.э. бану-л-Киранди, наместниками Йу'фиридов в ал-Джанаве (Ахмад Хусайн Шараф ад-Дин. Ал-Йаман 'ибра-т-та'рих (мин ал-карн ар-раби' 'ашара кабла-л-мил'ад ила-л-карн ал-'иш-рин). Дир'асат джуграфийа, та'рихийа, сийасийа шамила. [Каир], 1963. С. 183. Прим. 1).

редины XV в. до н.э., могли через страну Пунт, уверенно локализуемую им на восточном побережье Судана и в северных районах Эритреи²⁹, поддерживать торговые отношения с Египтом³⁰. Таким образом, ладан и мирра, поступавшие во II тысячелетии до н.э. на рынки Средиземноморья и Передней Азии преимущественно через Египет, имели скорее эфиопско-сомалийское, а не южноаравийское происхождение.

С падением в XI в. Нового царства в Египте произошло изменение направления международных торговых трасс. Отныне и вплоть до II в. до н.э. смолы благовонных растений, а также доставлявшиеся из Индии пряности шли главным образом через Аравийский полуостров по двум основным путям, начинавшимся в Йемене: западному, протянувшемуся параллельно побережью до Газы, и восточному, выходившему через Неджд и Йемаму к Персидскому заливу и далее к Месопотамии. Успешное функционирование этих путей во многом было связано с возникновением первых империй³¹: Новоассирийской, Нововавилонской, а затем и Ахеменидской, благодаря которым в соседних с Аравией регионах длительные периоды относительной стабильности стали нормой. Весьма показательно, что первые достоверные сведения о торговых и политических контактах южноаравийских государств с внешним миром касаются сабейско-ассирийских связей³².

Если основные факторы, обеспечившие возникновение на юге Аравии самобытной цивилизации, ориентированной на активное участие в международной

²⁹ Kitchen K. Punt and How to Get There // *Orientalia*. 1971. 40. P. 184–207; *idem*. Punt // *Lexikon der Ägyptologie* / Hrsg. von W. Helck, W. Westendorf. Lieferung 32 (Bd IV, Lieferung 8). Wiesbaden, 1982. Kol. 1198–1201; *idem*. The Land of Punt // *The Archaeology of Africa. Food, Metals and Towns* / Ed. Th. Shaw *et alii*. L.–N.Y., 1993. P. 587–612; *idem*. Further Thoughts on Punt and its Neighbours // *Studies on Ancient Egypt in Honour of H.S. Smith* / Ed. A. Leahy, J. Tait. L., 1999. (The Egypt Exploration Society. Occasional Publications. 13). P. 173–178.

³⁰ *Idem*. L'Égypte en quête des résines aromatiques // *Yémen, au pays de la reine de Saba*. Exposition présentée à l'Institut du monde arabe du 25 octobre 1997 au 28 février 1998 [Catalogue]. P., 1997. P. 49; переиздана на немецком языке: *idem*. Punt, Ägypten und die Suche nach Räucherharzen // *Jemen. Kunst und Archäologie im Land der Königin von Saba*... S. 56–57.

³¹ Термин «империя» используется здесь в том значении, которое вкладывает в него школа И.М. Дьяконова. Им обозначаются «мировые» державы, объединявшие территории, неоднородные по своей экономике и экономическим нуждам (одни из которых производили средства производства, а другие – предметы потребления), по географическим условиям, этническому составу населения, культурным традициям, державы, отличавшиеся высокой степенью централизации и подразделявшиеся на единообразные административные единицы. Появление таких государств знаменует собой переход от ранней древности к новой фазе в развитии древних обществ: имперской, или поздней (подробнее см. Дьяконов И.М., Якобсон В.А., Янковская В.А. Общие черты второго периода древней истории // *История древнего мира*. Изд. 3-е, испр. и доп. [Кн. 2]. Расцвет древних обществ. М., 1989. С. 15–18; переизд. в: *История Востока...* I. С. 221–223).

³² Galter H.D. «...An der Grenze der Länder im Westen». Saba' in den assyrischen Königsinschriften // *Studies in Oriental Culture and History. Festschrift Walter Dostal* / Ed. A. Gingrich, S. Haas, G. Paleczek. Frankfurt am Main, 1993. S. 29–40; Liverani M. Early Caravan Trade between South-Arabia and Mesopotamia // *Yemen. Studi archeologici, storici e filologici sull'Arabia meridionale*. 1992. 1. P. 111–115.

Упоминание в ассирийских царских текстах дани, отправленной ок. 716 г. до н.э. Ити'амаром Сабейцем (одним из правителей Сабы, носившим стандартное для раннесабейского властителя имя Йаса'амар) Саргону II (722–705), и даров, которые Карибилу, царь Сабы (вероятно, автор RES 3945 и 3946 Кариб'ил Ватар, сын Замар'алая), вскоре после 689 г. до н.э. послал Синаххерибу (705–681), служит одной из основ не только сабейской, но и всей южноаравийской хронологии, позволяющей привязать ее к абсолютной временной шкале (см., например: Robin. Sheba... Col. 1113, 1118).

торговле, ясны, то общий ход этого процесса, не говоря уже о деталях, пока не поддается надежной реконструкции. Культурное влияние сиро-палестинского региона на древний Йемен, проявившееся в частности в развитии южносемитской ветви алфавитного письма³³, отмечено и в сфере материальной культуры: так, А.В. Седову удалось обнаружить в наиболее ранних слоях оазиса Райбун, датируемых рубежом II–I тысячелетий до н.э. (точнее, периодом между XIII–XII вв. до н.э. и концом VIII – началом VII в. до н.э.), расписную керамику с зооморфными и геометрическими орнаментами (так называемую *ancient Hadramawt pottery*), которая имеет близкие аналоги в лощеной и ангобированной керамике, происходящей с различных палестинских городищ последней четверти II тысячелетия до н.э.³⁴ Кроме того, наблюдается отсутствие преемственности как в локализации, так и в материальной культуре между поселениями позднего бронзового века в Йемене, в частности теми, что относятся к упоминавшейся выше «культуре Сабир», и ранними центрами южноаравийской цивилизации, сосредоточенными вдоль границ пустыни Рамлат ас-Саб'атайн³⁵.

В этой связи было высказано предположение, что создатели цивилизации древнего Йемена, во всяком случае правящая элита местных государств, появились на юге полуострова в результате миграции племен из северных районов Аравии, граничащих с Сирией и Палестиной³⁶. Эта гипотеза, основанная пока

³³ Благодаря открытию А.Г. Лундина, дешифровавшему 2 января 1987 г. табличку из 'Айн Шамса (Бет Шемеша) и доказавшему, что она содержит записанный в XIII в. до н.э. клинообразным шрифтом в так называемом южносемитском порядке краткий вариант консонантного алфавита, удалось раскрыть палестинские корни южноаравийской письменности, для которой характерен тот же алфавитный порядок (см. *Louvine A.G. L'abécédaire de Beth Shemesh // Le Museon. 1987. 100. P. 243–250; Лундин А.Г. Табличка из Бет Шемеша // ВДИ. 1989. № 1. С. 144–150; о значении этого открытия см., например: Ryckmans J. Un abécédaire sud-arabe archaïque complet, gravé sur un pétiole de palme // I primi sessanta anni di scuola. Studi dedicati dagli amici a Sergio Noja Noseda nel suo 65° compleanno 7 luglio 1996. Lesa, 1997. P. 12–13). Последние сомнения на этот счет отпали после того, как в 1988 г. в Ра'с Шамра была обнаружена табличка RS 88.2215 с полным вариантом угаритского клинообразного алфавита, также расположенного в южносемитском порядке (*Ibid.* P. 13, 28. Not. 12).*

³⁴ *Sedov A.V. On the Origin of the Agricultural Settlements in Hadramawt // Arabia antiqua. Early Origins of South Arabian States. Proceedings of the 1st International Conference on the Conservation and Exploitation of the Archaeological Heritage of the Arabian Peninsula Held in the Palazzo Brancaccio, Rome, by IsMEO on 28th–30th May 1991 / Ed. Ch.J. Robin with the collaboration of I. Gajda. Roma, 1996 (Serie Orientale Rome. LXX. 1). P. 71–79.*

³⁵ В средневековых арабо-мусульманских источниках она именовалась Сайхад, что дало основание Альфреду Бистону предложить термин «сайхадский» (*Sayhadic*) для обозначения не только южноаравийских эпиграфических языков, но и древнейшей цивилизации I тысячелетия до н.э. (*Beeston A.F.L. Apologia for 'Sayhadic' // PSAS. 1987. 17. P. 13–14; Robin Ch.J. Sayhadica? // Sayhadica. Recherches sur les inscriptions de l'Arabie préislamique offertes par ses collègues au Professeur A.F.L. Beeston / Ed. Ch. Robin, M. Bafaqih. P., 1987 ([L'Arabie préislamique. Vol. 1]. P. XII–XIII). Хотя в последние годы он получил весьма широкое распространение, нам ближе точка зрения Ж. Рикманса, который не считал этот термин удачным. Действительно, своим возникновением южноаравийская цивилизация обязана отнюдь не пустыне, которая к тому же до ислама Сайхадом, по всей видимости, не называлась.*

³⁶ *Bron Fr. Les noms propres sudarabiques du type «yf'1 + NOM DIVIN» // Études sud-arabes. Recueil offert à Jacques Ryckmans. Louvain-la-Neuve, 1991 (Publications de l'Institut orientaliste de Louvain. 39). P. 90–91; Nebes N. Zur Genese der altsudarabischen Kultur. Eine Arbeitshypothese // Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend. Akten des Internationalen Kolloquiums. Berlin, 23. bis 26. November 1999/Hrsg. von R. Eichmann, H. Parzinger. Bonn, 2001 (Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte. Bd 6). S. 428–432.*

преимущественно на данных ономастики и сравнительно-исторического языкознания, нуждается в серьезном археологическом и эпиграфическом подтверждении, которым могло бы стать, например, обнаружение в Центральной Аравии следов двигавшихся в Йемен переселенцев. Это соображение, а также полное молчание ближневосточных источников конца II тысячелетия до н.э. о сколько-нибудь заметной миграции из района Благодатного Полумесяца вглубь Аравийского полуострова заставило допустить в качестве альтернативного варианта развития событий передачу сиро-палестинского культурного влияния через торговые и иные контакты без перемещения значительных групп населения. Впрочем, не исключено, что оба процесса шли параллельно, так что в итоге каждый из них внес свою лепту в формирование южноаравийской цивилизации³⁷.

Материалы, полученные в последние десятилетия в ходе обследования и раскопок городищ древнего Хадрамаута (в основном Райбуна и его окрестностей, но отчасти и Шабвы), позволили обнаружить новые параллели между южноаравийскими и западносемитскими антропонимами. Если в ходе ономастического исследования, проведенного Франсуа Броном по поиску в обеих группах схожих теофорных имен, построенных по модели «*yf'l* + имя божества», среди 39 обнаруженных в эпиграфике древнейеменских антропонимов было выявлено лишь 10 хадрамаутских³⁸, то сейчас число последних возросло до 18, а сам этот список увеличился до 42 за счет таких имен собственных, как впервые обнаруженное в Аравии *YS²R'L* (СОЙКЭ 580), которое в точности соответствует знаменитому *Yisra'el*, а также *YFD'L* (СОЙКЭ 1476 = Р6 XIV/88 № 10) и *YT'L* (Ingrams 4 = Ry 618/1)³⁹. Еще пять имен, попавших в этот список из ономастикон других южноаравийских этносов, теперь известны и по хадрамаутским надписям: *YBHR'L* (СОЙКЭ 673)⁴⁰, *YDKR'L* (СОЙКЭ 2461, 2594 = Р6 XIV/90 № 146/2, № 279/1), *YQN'M* (Shabwa S/75/87, l. 1), *YSDQ'L* (СОЙКЭ 1062 = Маравих I A 9/2; Джаулат ар-Румад 3 A 1/1, 4 A 2/1), *[Y]SR'L* (СОЙКЭ 1887 = Р6 I/89 зд. 4, сл. I № 321/2). Кроме того, автор надписи Raybun-Kafas/Na'mān 73, найденной на небольшом переносном алтаре для жертвенных возлияний при раскопках одного из храмов богини Зат Химйам (городище Райбун V), носил имя *FS²MS^l* (Фу-Шамс), построенное по модели «*fū/pū* “уста” + имя божества», которая прежде вообще не встречалась на территории Аравийского полуострова, зато за его пределами была засвидетельствована в текстах из Мари у аморитов (*Pu-ū-d-Dagan*)⁴¹ и на табличках из Телль эль-Амарны у арамейев (*Pu-Bahla = P-B'L*)⁴².

Разумеется, процесс формирования древнейеменской цивилизации проходил гораздо сложнее, чем мы можем сегодня это представить. Так, обращают на се-

³⁷ Nebes. Op. cit. S. 433.

³⁸ Bron. Op. cit. P. 86–90.

³⁹ Ср. с еврейскими антропонимами *Yifdēyāh*, *Yēša'yāh(ū)* и, вероятно, לַכַּזְזַר (Noth M. Die israelitischen Personennamen im Rahmen der gemeinsemitischen Namengebung. Stuttgart, 1928 [Beiträge zur Wissenschaft vom Alten und Neuen Testament / Hrsg. von R. Kittel. Folge 3. Ht 10]. S. 247–248).

⁴⁰ Весьма вероятно, что это имя, отмеченное в раннесабейском ономастиконе (*Tair-an S.A. Die Personennamen in den altsabäischen Inschriften. Ein Beitrag zur altsüdarabischen Namengebung. Hildesheim-Zürich-New York, 1992 (Texte und Studien zur Orientalistik. Bd 8). S. 234–235*), носил поселившийся в Райбуне сабеец: оставленная им надпись посвящена Алмақаху и содержит указание на родовую принадлежность автора, что совершенно не свойственно райбунским текстам (см. Бауэр. Эпиграфика Рейбуна... С. 138. Рис. 21).

⁴¹ Huffmon H.B. Amorite Personal Names in the Mari Texts. A Structural and Lexical Study. Baltimore, 1965. P. 254.

⁴² EA 104/7, 314, 315, 316.

бя внимание существенные отличия сабейского языка от остальных эпиграфических южноаравийских: сабейскому *h* местоименных суффиксов (отчасти и указательных местоимений), а также каузативной глагольной породы соответствует *s'* в ма'инском, катабанском и хадрамаутском⁴³. Между тем именно сабейский язык, в том числе и по этим признакам, довольно близок так называемым «ханаанским диалектам» (вернее, языкам: ивриту, финикийскому, моавитскому)⁴⁴. Не исключено, что в противоположность сабейцам носители *s'*-языков являлись автохтонами Южной Аравии либо переселились туда из иных районов Аравийского полуострова, нежели сиро-палестинское пограничье. Чтобы хоть немного прояснить этот вопрос, стоит рассмотреть происхождение этнопонима *HDRM(W)T*. Вполне очевидной представляется несостоятельность народных этимологий, как арабской *хадара-л-маут* – «явилась смерть»⁴⁵, так и еврейской *хăцар māvet* – «хутор смерти»⁴⁶. Однако вызывает возражения и гипотеза А. Бистона, выведившего это имя собственное от корня *DRM* с семантикой «паллящий зной» (ср. араб. *дирām* – «горение, пылание, жар»), к которому были добавлены префикс *ha-* и суффикс женского рода *-ūt (-ōt)*⁴⁷. Если вычленение данного суффикса, поддержанное К. Петрачком⁴⁸ и О.И. Редькиным⁴⁹, оказалось весьма удачной идеей, то префикс *ha-*, иногда встречающийся в современных южноаравийских языках в качестве определенного артикля (наряду с *'a-* и *ha-*), пока не зафиксирован с уверенностью ни в одном имени собственном доисламской Аравии. На наш взгляд, трудно признать плодотворными настойчивые попытки свести четырехсогласную основу исследуемого этнопонима к стандартному трехбуквенному корню, будь то *HDM* (*HDM* → *HDMM* → *HDRM/HDRM*)⁵⁰ или *HDR*⁵¹, хотя бы потому, что четырехбуквенные антропони-мы – не такая уж редкость в хадрамаутской ономастике⁵². Кроме того, корень *HDRM* достаточно продуктивен в арабском. Для наших целей важно не докопаться до изначальной семантики слова *HDRM(W)T*, вряд ли осознававшей самими древними хадрамаутцами, а отыскать схожие топонимы в других частях Аравийского полуострова.

⁴³ В полном объеме система указательных местоимений на *s'*-обнаружена лишь в катабанском (*Beeston A.F.L. A Descriptive Grammar of Epigraphic South Arabian. L., 1962. P. 47. § 39 : 1; idem. Sabaic Grammar. [Manchester], 1984 (Journal of Semitic Studies Monograph. 6). P. 66. § Q 24:1*); в ма'инском подобная форма, возможно, выявлена единственный раз (*Ibid. P. 63. § M 24:1*); в хадрамаутском же этот тип указательных местоимений пока вообще не найден.

⁴⁴ *Nebes. Op. cit. S. 432.*

⁴⁵ См., например: *Jācūt's geographisches Wörterbuch / Hrsg. von F. Wüstenfeld. Bd 2. Lpz., 1867. S. 285.*

⁴⁶ Пятикнижие Моисеево с дословным русским переводом О.К. Штейнберга. Изд-е фототипное. М., 1979 (воспроизведено по изд.: Вильна, 5662 г. от Сотв. мира). С. 24. Прим. 15. Возможен также перевод «двор смерти», тогда как толкование «смерть пришла» (*Редькин. Ук. соч. С. 124*), скорее всего, основанное на ложной аналогии с арабским, безусловно, является ошибочным.

⁴⁷ *Beeston A.F.L. Hadramawt // EI². III. P. 51.*

⁴⁸ *Petráček K. Hadramōt – Versuch einer Etymologie // Bulletin de la Société d'égyptologie (Genève). 1980. 4 (Mélanges offerts à M. Werner Vycichl). S. 75–76.*

⁴⁹ *Редькин. Ук. соч. С. 127–128.* О.И. Редькин справедливо отметил, что этот суффикс встречается в топонимике Южной Аравии, в частности Дофары (ср. Сайхут, Дамкут и т.п.).

⁵⁰ *Petráček. Op. cit. S. 75.*

⁵¹ *Редькин. Ук. соч. С. 125–126.*

⁵² См., например, такие райбунские имена, ранее нигде не засвидетельствованные, как *S³RTM-m* и *S³MR* (*Frantsouzoff. Regulation of Conjugal relations... P. 118, 121*), *KRB-m* и *S²DR* (*idem. En marge des inscriptions de Raybūn... P. 48*).

Известно, что пути миграций племенных общностей иногда можно проследить по географическим названиям, производным от соответствующих этнонимов. В связи с уникальностью сочетания *HDRM* следует учесть замечания К. Петрачека о переходе *h* → *ḥ*, отмеченном в некоторых арабских диалектах и семитских языках⁵³. Классической арабской географии известно не так много топонимов, восходящих к корню *HDRM*: ал-Ḥидрима, главный город Йемамы⁵⁴, ал-Ḥадарим, вадй в этой же области⁵⁵, а также колодец ал-Ḥидрима на юге Хиджаза⁵⁶. Если название для колодца, скорее всего, восходит к одному из значений имени нарицательного *хидрим* – «обильный водой», то существование двух однокоренных топонимов в Йемаме может служить косвенным указанием на прародину древних хадрамаутцев, особенно в связи с формой ал-Ḥадарим, напоминающей ломаное множественное число этнонима. Ее близкими аналогами оказываются обозначения хадрамаутцев как *HDRM-n* в сабейской эпиграфике (СІН 140/5)⁵⁷ и как ал-ḥадарима в арабо-мусульманской традиции. В пользу предположения о приходе хадрамаутцев из восточных районов полуострова свидетельствует в частности обычай захоронения верблюдов, иногда в одной могиле с людьми. Археологически он зафиксирован только в Хадрамауте, соседней с ним Махре и в Восточной Аравии (хотя и не в самой Йемаме, но в непосредственной близости от ней – на территории современных Катара, ОАЭ и Омана)⁵⁸, причем в гроте ар-Рукба, неподалеку от Райбуна, найдено единственное в древней Южной Аравии эпиграфическое свидетельство погребения верблюда в гробнице, приготовленной для человека (СОЙКЭ 903)⁵⁹. Похоже, что во всем доисламском Йемене этот обычай практиковали одни лишь хадрамаутцы. Впрочем, имеющихся данных пока не достаточно для серьезного обоснования осторожно высказываемой здесь гипотезы об их восточноаравийских корнях.

Цивилизация древнего Йемена нередко по своей главной составляющей именуется сабейской. Действительно, влияние сабейского языка и культуры сабейцев на остальные области Южной Аравии оставалось весьма заметным с начала I тысячелетия до н.э. вплоть до середины VI в. н.э., причем некоторые его аспекты не могут являться следствием военно-политической экспансии Сабейского царства и явно восходят к более раннему периоду в истории региона. Речь идет о структуре южноаравийских личных и родовых имен, среди составных элементов которых присутствуют глагольный префикс *h-* и местоименный суффикс *-hmw*, но нет никаких следов их аналогов на *s'*. Хадрамаутский ономастикон не является исключением. В эпиграфике Райбуна антропонимы, оканчива-

⁵³ Petráček. Op. cit. S. 74.

⁵⁴ Jācut's geographisches Wörterbuch... Bd 2. S. 451; Bd 3. Lpz, 1868. S. 644.

⁵⁵ Ibid. Bd 2. S. 450.

⁵⁶ Ibid. Bd 2. S. 451; Bd 4. Lpz, 1869. S. 442. У Йākūта указано, что он принадлежал племени бану салул, которое обитало между ат-Та'ифом и Бйшей (*Caskel W. Gamharat an-nasab. Das genealogische Werk des Hišām ibn Muḥammad al-Kalbī. Bd II. Leiden, 1966. S. 509*), т.е. в южной части области Хиджаз.

⁵⁷ Наряду с более распространенной формой *'HDR-n*, отражающей попытку подогнать этноним, производный от четырехсогласного корня, под сабейскую модель мн. ч. *af'ūl*. В хадрамаутских надписях единственным вариантом данного этнонима остается *HDRMT*.

⁵⁸ Vogt B. Death, Resurrection and the Camel // Arabia Felix. Beitrage zur Sprache und Kultur des vorislamischen Arabien. Festschrift Walter W. Müller zum 60. Geburtstag. Unter Mitarbeit von R. Richter. I. Kottsieper und M. Maraqtan / Hrsg. von N. Nebes. Wiesbaden, 1994. S. 289–290.

⁵⁹ См. Frantsouzoff. The Hadramitic Funerary Inscription...

ющие на *-hmw*, довольно распространены⁶⁰, встречаются имена с каузативной приставкой, такие как *HFS²H* (Raybūn-Kafas/Na'mān 77/1), *MHFS²H-m*⁶¹, *HQM* (Raybūn-Hadrān 47/1), *HS¹LM* (Raybūn-Kafas/Na'mān 159/1), *HWF'L*⁶², и даже с обоими формантами сразу, например, *HWD'HMW*⁶³. Появление подобных имен невозможно объяснить одними лишь заимствованиями из сабейского, поскольку подавляющее их большинство (за редкими исключениями, как в случаях с *HWF'L* и *HWD'HMW*) в сабейских текстах не обнаружено. Восприятие соседями сабейцев не самих имен, а словообразовательных моделей, характерных для ономастикона Сабы, происходило на заре южноаравийской истории, вероятно, за несколько столетий до зарождения в VIII в. до н.э. монументальной письменности. Оно указывает на изначальное культурное доминирование сабейцев, которое, по всей видимости, напрямую было связано с их решающей ролью в формировании цивилизации древнего Йемена.

Следующий период распространения сабейского влияния приходится на завоевательные походы мукарриба и малика (царя)⁶⁴ Сабы Кариб'ила Ватара, сына Замар'алая. Одним из главных результатов этих кампаний стал разгром Аузанского государства, против которого на стороне сабейцев выступили Хадрамаут и Катабан. За свою помощь союзники Кариб'ила получили области ('*bd'*), некогда отторгнутые у них Аусаном (RES 3945₁₂₋₁₃). О каких именно территориях шла речь, не уточняется. Вместе с тем наш прежний вывод, основанный преимущественно на аргументах *ex silentio*, о том, что район Райбуна в I тысячелетии до н.э. не подчинялся правителям Хадрамаута⁶⁵, следует сформулировать менее категорично, во всяком случае для периода, предшествующего III в. до н.э.: кон-

⁶⁰ Французов. О водопользовании... С. 136; *Frantsouzoff*. The Hadramitic Funerary Inscription... P. 253.

⁶¹ *Idem*. Epigraphic Evidence for the Cult of the God Sin... P. 62–63.

⁶² *Idem*. Le «tailleur de pierre»... P. 129–131.

⁶³ *Idem*. Raybūn. Hadrān... Fasc. A. P. 57, 59, 118.

⁶⁴ О соотношении двух этих титулов, обозначавших в I тысячелетии до н.э. верховных магистратов крупных государств Южной Аравии, которые сформировались на основе племенных союзов, см. Французов С.А. Политическое развитие южноаравийско-эфиопской цивилизации в I тысячелетии до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э.: от раннего государства к несостоявшейся империи // Петербургское востоковедение. Вып. 10. СПб., 2002. С. 254–258. Предложенная Кр. Робеном и поддерживаемая рядом его коллег идея о том, что принятие титула мукарриба означало притязание на господство над всей Южной Аравии, представляется нам по-прежнему неприемлемой, в первую очередь, из-за отсутствия параллелей в древнем мире (см. об этом: Там же. С. 256–257). Между тем разделение верховной власти между несколькими носителями в государствах ранней древности отмечено не только в древнем Йемене, но и в Эламе, где «вплоть до конца первой половины II тысячелетия до н.э. существовало как бы троевластие, когда во главе государства стояли суккалмах (“великий посланник”), суккал (“посланник”) и царь» (Юсифов Ю.Б. Элам. Социально-экономическая история. М., 1968. С. 383; подробнее об этом явлении см. Там же. С. 63–84). Разумеется, речь может вестись исключительно о типологическом, а не о генетически обусловленном сходстве эламских и южноаравийских институтов.

⁶⁵ Французов. Общество Райбуна. С. 304; *Frantsouzoff*. The Society of Raybūn. P. 259–260; *idem*. Raybūn et La Mecque... P. 59–62.

Даже если мукарриб Хадрамаута Йада'аб Гайлан, сын Сумхурийама, действительно оставил в Мазабе (городище Хурайда) свою коммеморативную надпись (см. ее последнее переиздание: *Avanzini A. La missione italiana nel Dhofar // Egitto e Vicino Oriente*. 1996. 19. P. 183. Fig. 2–4), отсюда не следует, что его власть признавалась за пределами этого поселения по всему Внутреннему Хадрамауту. Судя по весьма архаичной палеографии этой надписи, Йада'аб Гайлан правил до Кариб'ила Ватара.

троль центральной хадрамаутской власти над Райбуном и прилегающими территориями был в ту эпоху минимален, возможно, как раз потому, что, заключив союз с Хадрамаутом, Саба включила в орбиту своего политического и культурного доминирования часть его земель. Нужно отметить, что в Райбуне обнаружено гораздо больше следов сабейского влияния, чем в Шабве, где от периода союзных отношений Хадрамаута и Сабы в начале VII в. до н.э. до нас дошли лишь четыре небольших фрагментарных надписи (Hamilton 3–5, Shabwa 2). Наиболее интересная из них представляет собой начертанное бустрофедоном посвящение Алмакаху (Hamilton 4/2–3), одним из авторов которого был Йаса‘амар, глава сабейского эпонимного племени назха (*kbr/NZHT*), представители которого входили в состав Совета старейшин – верховного органа власти в раннем Сабейском государстве⁶⁶. Весьма вероятно, что лицо, занимавшее столь высокое положение в сабейской иерархии, находилось в Шабве с дипломатической миссией. Эти сабейские надписи вообще представляют собой древнейшие памятники монументальной эпиграфики, происходящие с указанного городища. К сожалению, найдены они были во время любительских раскопок майора Р. Гамильтона в 1938 г. и потому археологический контекст, из которого они происходят, не был должным образом зафиксирован⁶⁷.

По мере изучения эпиграфических материалов СОЙКЭ растет число прямых и косвенных свидетельств сабейского влияния и даже присутствия сабейцев во Внутреннем Хадрамауте, прежде всего в Райбуне, в VII–V вв. до н.э. Речь идет не только о посвящении Алмакаху (СОЙКЭ 673), автором которого, скорее всего, был сабеец⁶⁸, или об упоминании этого «национального» бога Сабы в финальной инвокации надписи, посвященной Сийану (СОЙКЭ 834 = P6 VI/84 № 5/2–3)⁶⁹,

⁶⁶ См. о NZHT: Лундин А.Г. Государство мукаррибов Саба' (сабейский эпонимат). М., 1971. С. 206–215, 222–223, 226–228, 230–231.

⁶⁷ В ходе работ Французской археологической миссии в Шабве раскопки велись почти исключительно на объектах, сооруженных в последние века I тысячелетия до н.э. (замок S²QR) или даже в начале I тысячелетия н.э. (главный храм бога Сийана 'LM). Обнаружение в отдельных шурфах образцов С¹⁴, датируемых серединой и даже началом II тысячелетия до н.э. (Breton J.-Fr. Quelques dates pour l'archéologie sudarabique // Arabia antiqua... P. 89–90; *idem*. Preliminary Notes on the Development of Shabwa // PSAS. 2003. 33. P. 200–201. Fig. 2–3), не может служить доказательством существования постоянного крупного поселения на этом месте еще в бронзовом веке. Как справедливо заметил А.В. Седов в личном письме от 10 июня 2004 г., эти образцы, относящиеся к «зольному слою», в котором нет ни керамики, ни архитектурных деталей, были взяты из древнего кострища, которое могло остаться, например, от стоянки кочевников.

Нужно признать, что в археологическом отношении Шабва первой половины I тысячелетия до н.э. практически не изучена. Весьма показателен пример замка Ша'бан, который, судя по единственному упоминанию в хадрамаутской надписи Sha'ab (sic) al-Layl (L. 4), происходящей из окрестностей столицы и палеографически датируемой V–IV вв. до н.э., служил резиденцией правителей Хадрамаута до Шакара. Хотя в фундаменте Шакара (зд. № 55) найден один образец С¹⁴, датированный XII–IX вв. до н.э. (Ibid. P. 201. Fig. 5), даже предположительная локализация Ша'бана на этом месте вызывает серьезные сомнения (Ibid. P. 202).

Интересно, что наиболее ранние упоминания топонима S²BWT в южноаравийской эпиграфике встречаются в надписях, датируемых последними веками до нашей эры (в хадрамаутской Shabwa n° 15/2 и в ма'инской M 416 + 275/2–3), т.е. восходят к тому же периоду, что и первые сведения о ней у античных авторов, и потому сам факт существования в Райбуне столицы с таким названием в начале VII в. до н.э. является, правда, почти бесспорным.

⁶⁸ См. Бачур Эпиграфика Райбуна... С. 141–142.

но и о нисбе *S'RMY-n*, впервые позволившей связать события, описанные в RES 3945, с райбунскими реалиями. Фрагмент текста, составленный ее обладателем, сыном Хайва (*[b]n/HYW-m*), личное имя которого не сохранилось, обнаружен в вымостке храма богини Зат Химйам (Райбун V) и приблизительно датирован VII–VI вв. до н.э. (Raybūn-Kafas/Na'mān 42). Истолковать эту нисбу как имя нарицательное (по типу *grby-nl-hn* «каменотес») не представляется возможным, а относительные прилагательные, образованные от родовых имен, у райбунцев вообще не отмечены. В то же время в RES 3945/6–7 сообщается, что после разгрома Аусяна Кариб'ил Ватар обнес стенами многочисленные поселения (*'hgr* – букв. «города») района *S'RM*, провел там ирригационные работы и заселил его сабейцами. Традиционное отождествление этого топонима с арабским Сарум, локализуемым к северу от Са'ды (т.е. на северных рубежах Йемена)⁷⁰, не выдерживает критики, поскольку в соответствующей части RES 3945 явно говорится о южноеменских землях, находившихся недалеко от западных окраин Внутреннего Хадрамаута. Если наша идентификация верна, то появление сабейца, переселенного в *S'RM*, среди авторов votивных текстов в райбунском храме, следует рассматривать как еще одно подтверждение того, что этот храмовый центр, непосредственно раннему Сабейскому государству не подчинявшийся, входил в сферу его интересов.

Обосновавшиеся среди райбунцев выходцы из Сабы принесли с собой не только почитание Алмакаха, но и культ богини Зат Химйам, которая по неясным пока причинам снискала особое расположение местных жителей, так что даже была включена в местный пантеон. На самом Райбуне вскрыто два больших ее храма: расположенный на территории основного поселения Рахбан (Райбун I, зд. 2–4, 7) и возведенный несколько на отшибе Кафас, позднее (очевидно, с III в. до н.э.) переименованный в На'ман (Райбун V). Наличие святилища Зат Химйам характерно и для других поселений Внутреннего Хадрамаута: на городище Би'р Хамад, например, его существование подтверждено и археологически⁷¹ и эпиграфически⁷². Далекое не случайно в эпиграфике Кафаса (На'мана) выявлено значительное число антропонимов (12), характерных для раннесабейской ономастики⁷³. Изначально сабейское происхождение Зат Химйам можно считать доказанным: за пределами сабейского культурно-политического ареала и Внутреннего Хадрамаута ее культ засвидетельствован только в колониях Сабы в земле Да'мат на Африканском Роге. Интересно, что в Шабве почти не обнаружено следов поклонения этой богине, за исключением единственного упоминания в финальной инвокации строительной надписи начала нашей эры (Hamilton 2 A–B + Shabwa S/75/128, l. 2). Напрашивается предположение, что Внутренний Хадрамаут, в частности Райбун, привлекал сабейцев больше, чем хадрамаутская столица. Одна из причин подобной ситуации могла заключаться в том, что эта

⁷⁰ Al-Hamdānī's *Geographie der Arabischen Halbinsel...* S. 84₆, 114₁₅; см. *Rhodokanakis N. Altsabäische Texte I.* Wien, 1927 (Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 206. Bd 2. Abhandlung). S. 43 f.; *Sheiba A.H. Die Ortsnamen in den altsüdarabischen Inschriften (mit dem Versuch ihrer Identifizierung und Lokalisierung).* Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde des Fachbereichs Ausereuropäischen Sprachen und Kulturen der Philipps-Universität Marburg/Lahn. Marburg/Lahn, 1982. S. 84–85.

⁷¹ *Sedov A.V. Bi'r Hāmad: a Pre-Islamic Settlement in the Western Wādī Hadramawt.* Notes on an archaeological map of the Hadramawt, 1 // *Arabian Archaeology and Epigraphy.* 1995. 6. P. 105.

⁷² *Французов.* Новые данные о хадрамаутском эпонимате... С. 167. Прим. 24.

⁷³ *Frantsouzoff S.A. Raybūn. Kafas/Na'mān, temple de la déesse Dhāt Himyam.* Fasc. A: Les documents. Paris–Rome (Inventaire des inscriptions sudarabiques. T. 9) (в печати). Ch. 4.

область была расположена в непосредственной близости от мест произрастания ладана и мирры, локализуемых на территории современного Дофара и, возможно, в некоторых районах хадрамаутского побережья (см. карту).

Сабейское влияние наложило отпечаток не только на религию и ономастику, но на язык надписей, причем, как видно по эпиграфике Внутреннего Хадрамаута, оно не ограничивалось заимствованием глагола *hqny* – «посвящать» и местоименных суффиксов 3 л. ед. ч. *-hw* и *-h⁷⁴*. В хадрамаутский вошел ряд специфических терминов, известных только по раннесабейским текстам, таких, как *'wdn* – «слой каменной кладки»⁷⁵. На основании таких примеров обычно делается вывод о единстве южноаравийской культуры, однако не нужно забывать, что важнейшим источником этого единства и мощным фактором, обеспечивающим его сохранение, являлась именно Саба.

В отношениях Внутреннего Хадрамаута с ближайшим соседом – Катабаном – подобное культурное доминирование не прослеживается, несмотря на тесные контакты с катабанцами. В одном из райбунских жилых домов (Райбун I, зд. 6), владельцы которого, вероятно, были вовлечены в торговлю с этой страной, найдено десять кратких надписей (зачастую фрагментарных), относящихся к начальному этапу в развитии местной эпиграфики (т.е. к VII–VI вв. до н.э.) и посвященных одновременно 'Амму и Сийану, главным богам обоих народов'⁷⁶. К этому же периоду восходят несколько votивных текстов из храма Рахбан, обращенных к богине Зат Сахра́н⁷⁷, уверенно идентифицируемой с катабанской Зат Захра́н⁷⁸. Однако храмов ни одному из катабанских божеств райбунцы не возводили, в хадрамаутской ономастике практически не представлены типичные для Катабана имена⁷⁹, и уж вовсе не обнаруживается каких-либо следов влияния катабанского языка на хадрамаутский⁸⁰.

⁷⁴ Об этом явлении, характерном также для ранних катабанских текстах, см. *Frantsouff. Raybūn. Hadraṅ...* P. 51; *idem. En marge des inscriptions de Raybūn...* P. 43–44.

⁷⁵ *Frantsouff. The Hadramitic Funerary Inscription...* P. 253, 255.

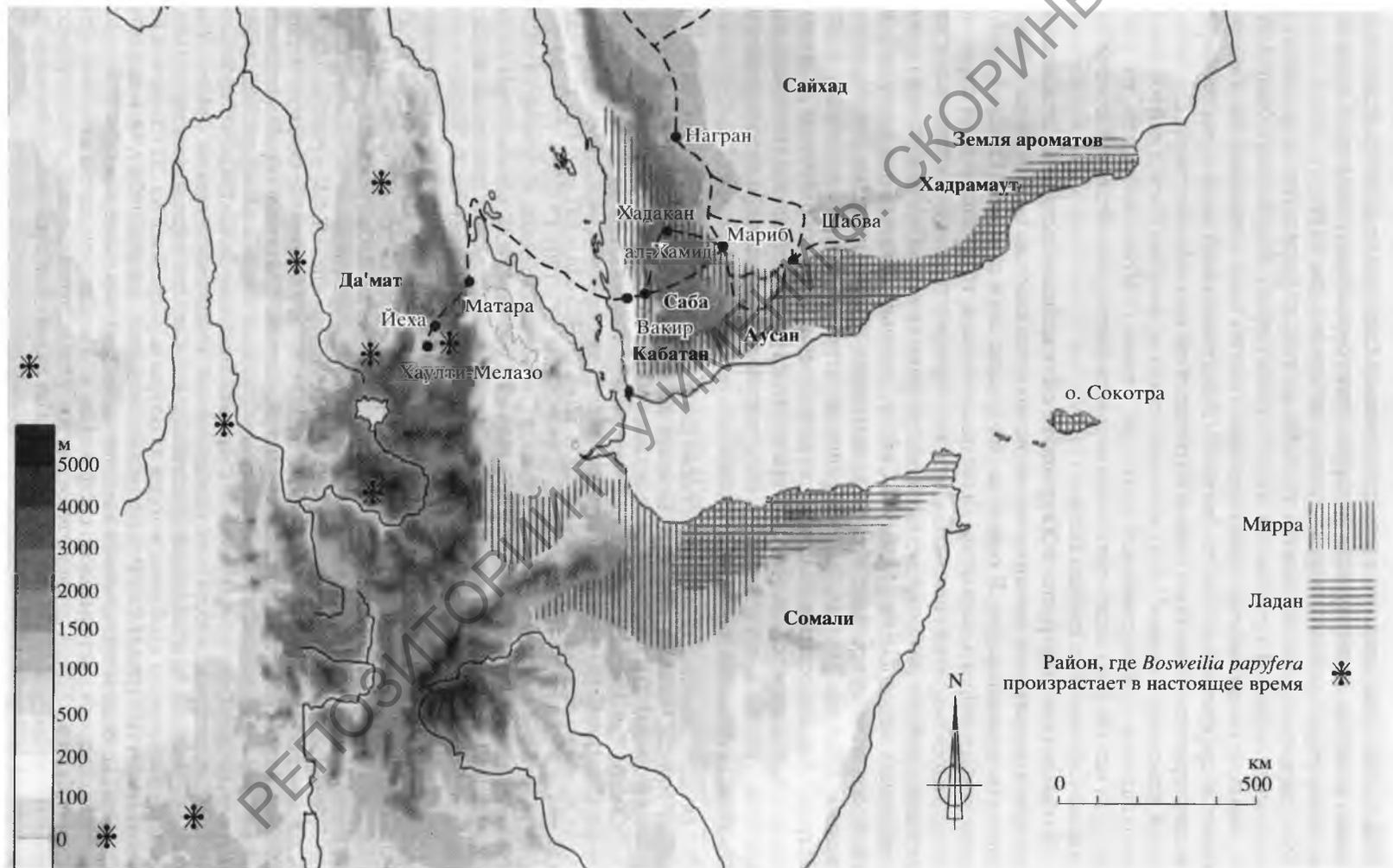
⁷⁶ См. *Лундин*. Надписи жилого дома на городище Райбун I... Их датировка IV–III вв. до н.э. (Там же. С. 91) с учетом палеографических критериев не может быть принята.

⁷⁷ См. монументальные надписи СОИКЭ 520; СОИКЭ 636 + 637 = Р6 I/84 зд. 3, сл. I № 112 а-д + № 113 а-в (*Бауэр*, Эпиграфика Рейбуна... С. 120); СОИКЭ 777 = Р6 I/84 зд. 2, сл. I № 104 а-в (Там же. Рис. 4); СОИКЭ 1700 = Р6 I/88 проход, сл. I № 94; СОИКЭ 1868 = Р6 I/89 зд. 4, сл. I № 299; СОИКЭ 2203 = Р6 I/90 зд. 4 № 39, а также текст на дереве X.Rb-89 n° 7 (*Бауэр, Акоюян, Лундин*. Новые эпиграфические памятники из Хадрамаута; *Frantsouff. Hadramitic Documents Written on Palm-Leaf Stalks*. P. 55–56).

⁷⁸ Для хадрамаутской эпиграфики характерна замена *z* на *ṣ*, очевидно, отражавшая особенности местного произношения (*Frantsouff. Hadramitic Documents Written on Palm-Leaf Stalks*. P. 62. Not. 7). Так, наряду с формой *qz*, засвидетельствованной для глагола «посвятить, пожертвовать» на бронзовой табличке из Шабвы (RES 2693/3), гораздо более распространенным является написание *qs*, встречающееся в текстах Шабвы (RES 4698/4; *Shabwa-Chantier V*, 1975/5; RF-Alim 1/4), Хурайды (CT 4/4) и Райбуна (СОИКЭ 1468 = Р6 XIV/87 № 110–111/3; СОИКЭ 2377 = Р6 XIV/90 № 60/4). Отождествление *DT/ZHR-n* с *DT/SHR-n* было предложено еще А. Бистоном, который обратил внимание на вариант *s* в краткой катабанской посвятительной надписи на алтаре RES 4574/3 (*Beeston A.F.L. A Descriptive Grammar of Epigraphic South Arabian*. L., 1962. P. 15. § 9:6).

⁷⁹ Речь идет прежде всего о составных именах, заканчивающихся на -'М (см. *Лундин А.Г.* Элемент 'm в южноарабских именах: имя бога или термин родства? // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIV годичная научная сессия ЛО ИВАН СССР (доклады и сообщения), декабрь 1978 г. Ч. I. М., 1979. С. 123–128). Редким исключением является упоминавшееся выше имя *YQN'M*.

⁸⁰ Что касается местоименного суффикса дв. ч. *-s'mu*, то речь идет о катабанско-хадрамаутской изоглоссе, подобно тому, как в случае с другой формой этого суффикса *-s'mn* мы имеем дело с минейско-хадрамаутской изоглоссой (*Frantsouff. En marge des inscriptions de Raybūn...* P. 44).

На межгосударственном уровне хадрамаутско-катабанские отношения еще на заре их истории были омрачены вооруженным конфликтом, о котором лаконично сообщается в надписи Arbach-Bāfaqih al-'Uqla 1, составленной царем (малikom) Хадрамаута Йада ' и илом Баййином, который «раздавил Катабан» (стк. 2: *mhd/QTBN*). Вопреки утверждению ее издателей⁸¹ палеография не дает оснований датировать ее именно VI, а, скажем, не началом VII в. до н.э. и с ходу отвергать заманчивую возможность отождествления этого Йада ' ила с одноименным хадрамаутским правителем, упоминаемым в RES 3945/12. Если допустить, что в обеих надписях речь идет об одном и том же царе, то яблоком раздора, столкнувшим два государства, скорее всего, стали аусанские земли, возвращенным им Кариб'илом Ватаром. Получается, что этим «великодушным» жестом Саба не усилила, а ослабила своих союзников, в которых после разгрома Аусана более не нуждалась, и на время исключила вероятность превращения их в серьезных соперников.

Начальные века истории Хадрамаута подтверждают справедливость давно сложившегося среди специалистов по древнему Йемену убеждения о решающей роли сабейцев в формировании южноаравийской цивилизации. Вместе с тем новый эпиграфический материал, ставший доступным благодаря изысканиям СОЙКЭ, позволяет уточнить этот бесспорный вывод и выделить по крайней мере два разновременных пласта сабейского влияния: ранний, восходящий к рубежу II–I тысячелетий до н.э. и отраженный преимущественно в ономастических моделях (на *h-* и *-hmw*), и более поздний, связанный с экспансией Сабы в начале VII в. до н.э. при Кариб'иле Ватаре и по-разному проявлявшийся в столице Хадрамаута и на его периферии. В Райбуне и других поселениях Внутреннего Хадрамаута сабейцы оказали глубокое и многостороннее воздействие на культуру местных жителей, тогда как в Шабве их доминирование длилось недолго и, очевидно, ограничивалось сферой политики.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И СИГЛОВ НАДПИСЕЙ

Джаулат ар-румад 3 А 1, 4 А 2 – *Пиотровский М.Б.* Стоянка паломников Джаулат ар-румад // Городище Райбун... (ТСОЙКЭ. II). С. 180–181, 188. Рис. 41, 43

ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Российского археологического общества. СПб.

СОЙКЭ 1062 = Маравих I А 9 – *Он же.* Вади аль-'Айн: древнейеменские надписи // Хадрамаут... (ТСОЙКЭ. I). С. 198–199 (ошибочно издана под № 940)

СОЙКЭ 1468 = P6 XIV/87 № 110–111 – *Frantsouzoff.* Epigraphic Evidence for the Cult of the God Sīn... P. 63–64

СОЙКЭ 2377 = P6 XIV/90 № 60 – *Ibid.* P. 64–65

ТСОЙКЭ – Труды Советско-йеменской комплексной экспедиции

ЭВ – Эпиграфика Востока

⁸¹ *Arbach M., Bāfaqih M.A.* Nouvelles données sur la chronologie des rois du Ḥadramawt // *Semitaica*. 1998. 48. P. 113–116 ; P. 126. Tableau.

←
Карта. Южная Аравия в первой половине I тыс. до н.э. и места произрастания благовонных растений на ее территории и в соседних с ней регионах (по: *Groom.* Les parfums de l'Arabie // *Yémen, au pays de la reine de Saba*... P. 73; *idem.* Die Düfte Arabiens // *Jemen. Kunst und Archäologie im Land der Königin von Saba*... S. 54)

- AION – *Annali dell'Istituto Universitario Orientale di Napoli*. Napoli
 Arbach-Bâfaqih al-'Uqla 1 – *Arbach, Bâfaqih*. Nouvelles données... P. 109–114.
 Fig. 1 a–b
- CIAS – *Corpus des inscriptions et antiquités sud-arabes*. T. I (section 1: Inscriptions; section 2: Antiquités). T. II: *Le Musée d'Aden* (fasc. 1: Inscriptions; fasc. 2: Antiquités). Louvain, 1977, 1986
- CIH – *Corpus Inscriptionum Semiticarum*. Pars quarta inscriptiones himyariticas et sabaeas continens. T. I–III (+ Tabulae). P., 1889–1931
- CT 4 – *Caton Thompson G. The Tombs and Moon Temple of Hureidha* (Hadhramaut) (Reports of the Research Committee of the Society of Antiquaries of London. XIII). Oxf., 1944. P. 158–160. Pl. 63; *Французов. О водопользовании...* С. 145–147.
- EA – *Delaporte L. Épigraphes Araméens. Études de textes araméens gravés ou écrits sur des tablettes cuneiformes*. P., 1912
- EI² – *The Encyclopaedia of Islam*. New Edition. Vol. I–XI. Leiden–London, 1960–2001
- Hamilton 2 A-B + Shabwa S/75/128 – *Pirenne*. Les témoins écrits... P. 56–58. Fig. 20. Pl. 47 a–b
- Hamilton 3–5 – *Brown W.L., Beeston A.F.L. Sculptures and Inscriptions from Shabwa // Journal of the Royal Asiatic Society*. 1954. P. 51–53. Pl. XIX, 3; XXII, 1; *Pirenne*. Les témoins écrits... 47–49. Pl. 44 a, c, d
- Ingrams 1 – *Drewes A.J. Some Hadrami Inscriptions // Bibliotheca orientalis*. 1954. 11. P. 93–94. Pl. I; *Pirenne*. Les témoins écrits... P. 91–93
- Ingrams 4 = Ry 618 – *Ryckmans G. Inscriptions sud-arabes*. 19ème série // *Le Muséon*. 1962. 75. P. 214–216
- Ir 31 – *Мутаххар 'Али ал-Ирдани. Фй та'рих ал-Йаман. Шарх ва-та'лиқ 'ала нуқуш лам туншар. 34 нақш^{ан} мин маджму'ат ал-қадй 'Али 'Абдаллах ал-Қахали. Каир, [1973]. С. 161–163*
- Ja 643, 656, 668 – *Jamme A. Sabaean Inscriptions from Mahram Bilqis (Mârib)* (Publications of the American Foundation for the Study of Man. Vol. III). Baltimore, 1962. P. 142–144, 161–162, 173–174. Pl. 16, 19
- M 416 + 275 – *Iscrizioni sudarabiche*. Vol. I: *Iscrizioni minee* (Istituto orientale di Napoli. Pubblicazioni del seminario di semitistica a cura di G. Garbini. Ricerche. X). Napoli, 1974. P. 78, 128
- MAFYS-Naqab al-Haḡar 1–4 – *Breton J.-F., Robin Ch.J., Seigne J., Audouin R. La muraille de Naqab al-Haḡar (Yémen du Sud) // Syria*. 1987. 64. P. 17–20. Ph. 9, 10, 14–16
- PSAS – *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. L.
- Raybūn-Hadrān – *Frantsouzoff*. Raybūn. Hadrān... Fasc. A. P. 69–301; Fasc. B. Pl. 1–368
- Raybūn-Kafas/Na'mān – *Frantsouzoff*. Raybūn. Kafas/Na'mān... Fasc. A; Fasc. B: Les planches.
- RES – *Répertoire d'épigraphie sémitique publié par la Commission du Corpus Inscriptionum Semiticarum*. T. V–VIII. P., 1929–1968
- RF-Alīm 1 – *Robin Ch.J., Frantsouzoff S.A. Une inscription hadramawtique provenant du temple de Siyān dhū-Alīm à Shabwa (Yémen) // Semitica*. 1999. 49. P. 155–160
- Sha'ab (sic; вместо Shi'b) al-Layl – *Pirenne*. Les témoins écrits... P. 49–50. Fig. 15 (издан крайне небрежно с большим количеством неточностей)

и ошибок; см. исправления: *Bron Fr.* Notes sur les inscriptions de Shabwa // *Syria*. 1991. LXVIII. P. 460; *Robin Ch.J.* [Рец. на:] *Pirenne*. Les témoins écrits... // *Bulletin critique des annales islamologiques*. 1992. 9. P. 209–210)

Schreyer-Geukens = Ir 32 – *Müller W.W.* Das Ende des antiken Königreichs Hadramaut. Die sabäische Inschrift Schreyer-Geukens = Iryani 32 // *Al-Hudhud*. Festschrift Maria Höfner zum 80. Geburtstag / Hrsg. von R.G. Stiegner. Graz, 1981. S. 225–256

Shabwa 2 – *Pirenne*. Les témoins écrits... P. 49. Pl. 44 b

Shabwa n° 15 – *Ibid.* P. 56. Pl. 46 a

Shabwa S/75/87 – *Ibid.* P. 66. Pl. 52 b

Shabwa V/85/22 – *Ibid.* P. 79. Pl. 61 a

Shabwa V/84/15 – *Ibid.* P. 79. Pl. 61 b

Shabwa-Chantier V, 1975 – *Ibid.* P. 76. Pl. 58 a

ANCIENT HADRAMAWT AND THE RISE OF SOUTH ARABIAN CIVILIZATION: FORMULATING A PROBLEM

S. A. Frantsouzoff

The origin of a highly developed civilization which existed in the south-western part of the Arabian peninsula from the early 1st millennium BC till the late 6th century AD still remains obscure. New epigraphic material discovered by the Soviet-Yemenite multidisciplinary expedition in 1983–1991 at the site of Raybūn (Inland Hadramawt) proved to be of considerable value for elucidating some details of this process. It is commonly recognized that the impact of the Sabaic language and the Sabaean culture played the decisive part in the formation of local varieties of South Arabian civilization, including the Hadramitic one. The analysis of onomastic and linguistic data with due regard for palaeographic criteria demonstrates that there were at least two periods during which the culture of ancient Hadramawt fell under a strong influence of Saba': at the very beginning of the 1st millennium BC and in the course of military campaigns of the Sabaean *mukarrib* and *malik* (king) Karib'il Watar (early 7th century BC).